

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ШТУДИИ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-74-88

В. С. Зайцев¹

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля

А. Б. ДЕРМАН ПРОТИВ В. В. ЕРМИЛОВА: ИЗ ИСТОРИИ ЧЕХОВЕДЧЕСКИХ ПОЛЕМИК 1940-Х ГГ.

Статья посвящена обсуждениям двух книг В. В. Ермилова («Чехов» и «Драматургия Чехова»), состоявшимся в издательстве «Молодая гвардия» и на заседании комиссии по теории литературы и критики Союза писателей СССР в 1946 и 1948 гг. С последовательной критикой концепций В. В. Ермилова на обоих совещаниях выступил А. Б. Дерман. Стенограммы выступлений А. Б. Дермана, В. Б. Шкловского, Л. М. Мышковской и др., еще не введенные в научный оборот, позволяют рассмотреть специфические особенности чеховедческих диспутов 1940-х гг. и оценить их влияние на развитие советского чеховедения.

Ключевые слова: А. Б. Дерман, В. В. Ермилов, советское чеховедение

V. S. Zaitsev

Vladimir Dahl Russian State Literary Museum

A. B. DERMAN AGAINST V. V. ERMILOV: FROM THE HISTORY OF SOVIET CHEKHOVIAN STUDIES OF THE 1940S

The article is devoted to the discussions of two books by V. V. Ermilov (“Chekhov” and “Dramaturgy of Anton Chekhov”). The discussions were held at the publishing house “Molodaya Gvardiya” and at the meeting of the commission on the theory of literature and criticism of the USSR Writers’ Union in 1946 and 1948. A. B. Derman spoke at both meetings with consistent criticism of V. V. Ermilov’s works. Shorthand records of A. B. Derman, V. B. Shklovsky, L. M. Myshkovskaya and others allow us to consider the specific features of Chekhov scholars disputes of the 1940s and to assess their influence on the subsequent development of Soviet Chekhovian studies.

Key words: A. B. Derman, V. V. Ermilov, Soviet Chekhovian studies

Немало диспутов и споров в истории советского чеховедения оставили свой след на страницах книг, газет, журналов. В начале 1920-х гг. активно обсуждался вопрос, чем может послужить творчество А. П. Чехова для новой послереволюционной культуры, позднее развернулась борьба с дореволюционными штампами

¹ Виктор Сергеевич Зайцев – кандидат культурологи, ведущий научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Москва).

критической литературы о писателе, много печатных откликов вызывали крупные монографии, посвященные А.П.Чехову: работы А.Б.Дермана, Ю. В. Соболева, В. В. Ермилова. Однако поиски «советского А.П.Чехова» не ограничивались выступлениями в печати, жаркие споры на данную тему часто разворачивались вне поля зрения широкой публики. Особенно важны были подобного рода обсуждения в контексте эволюции «официального» литературоведения и критики. Двум таким, очень важным для истории раннесоветской чеховианы, дискуссиям посвящена данная статья.

Важно предварительно подчеркнуть, что проанализированные ниже стенограммы обсуждений могут быть концептуализированы в различных вариантах с использованием разнообразного методологического инструментария: это и примеры советской рецепции чеховского творчества сообществом профессиональных критиков и литературоведов, и материал для штудий по социологии литературы и т.п. Нас эти стенограммы интересуют в первую очередь как задокументированные перипетии развития «официального» советского чеховедения, этапы «советизации» чеховского творчества и вписывания его в рамки марксистской литературоведческой парадигмы. Иными словами, для нас в данном случае эти обсуждения – историко-литературный феномен.

А.Б.Дерман против В.В.Ермилова в 1946 г.

В середине 1946 г. из печати вышла биография А.П.Чехова, написанная В.В.Ермиловым для серии «Жизнь замечательных людей». Издательство «Молодая гвардия» 22 октября 1946 г. организовало обсуждение книги. На страницах «Литературной газеты» 26 октября 1946 г. была опубликована заметка, посвященная этому обсуждению, с перечислением выступавших (В.Б.Шкловский, Н. Н. Вильям-Вильмонт, С. А. Крыжановский и т.д.) и неожиданным финалом: «Странно прозвучало на совещании выступление А.Дермана, исказившего и очернившего облик Чехова. Достойный отпор выступление Дермана получило со стороны В.Шкловского, А. Лукина и В.Ермилова» [В издательстве «Молодая гвардия», 1946, с. 4].

Заметку прочла и отправила О.Л.Книппер-Чеховой М.П.Чехова: «Каков твой приятель Дерман! Прочти прилагаемый документ. Чем Чехов его обидел?» [О.Л.Книппер – М.П.Чехова, 2016, с. 488]. Сестра писателя всегда болезненно воспринимала любое покушение на семейную репутацию. Видимо, поэтому М.П.Чехова не задалась естественным в данной ситуации вопросом: насколько адекватно заметка описала произошедшее на совещании, и что именно говорил А.Б.Дерман?

Проанализируем доклад А.Б.Дермана на обсуждении.

Начало выступления было отчасти комплиментарным. А.Б.Дерман отметил «блестящие главы» монографии, посвященные чеховской драматургии, после чего признался: «И тем не менее, я книгу читал не с восхищением, а с грустью, потому что видел перед собой результаты работы писателя, который владел всеми

средствами, обладал всеми данными для того, чтобы написать очень ценную и важную книгу, но который соблазнился чем-то второстепенным, или даже третьестепенным и свой труд испортил»².

Далее А. Б. Дерман сформулировал основную свою претензию к работе (мотивы этой претензии варьируются на протяжении всей полемики): «...Ермилов страдает некоторым неверием в желательное, должное воздействие непрیکрашенного образа Чехова на читателя. <...> Мне бы хотелось задать автору вопрос: почему он целый ряд важнейших моментов в жизни Чехова упустил, не остановился на них, как будто они были чем-то второстепенным» (л. 2).

К таким упущенным моментам А. Б. Дерман относил сотрудничество А. П. Чехова с «Новым временем», о котором В. В. Ермилов «упоминает... скороговоркой и с бесчисленными смягчениями»: «Классическим примером того, как мы должны обостренно, смело и правдиво ставить подобные вопросы, являются статьи Ленина о Толстом. <...> ...Ленин с полной разграниченностью характеризует величие Толстого, разграничивает его художественную мощь и его реакционность» (л. 2–3).

А. Б. Дерман, видимо, сознательно выбрал тактику «бить оппонента его же оружием». Излишне напоминать, что в рамках советской литературоведческой «платформы» к середине 1940-х гг. ни одна методология, кроме марксистской, не была легитимной. Если в конце 1920-х гг. еще возможны были работы, подобные «Творческому портрету Чехова» самого А. Б. Дермана, имевшие в качестве основных методологических ориентиров психологизм и биографизм (и серьезно критиковавшиеся за это с марксистских позиций), то полтора десятилетия спустя появление таких работ в советской печати, и тем более в серии «Жизнь замечательных людей», было уже маловероятно. Поэтому А. Б. Дерман старался продемонстрировать, что и в рамках господствующей марксистско-ленинской методологической установки работа В. В. Ермилова несовершенна, и критиковал ее, опираясь на статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. В сложившихся к моменту обсуждения условиях это была адекватная тактика.

Одним из важных опорных пунктов полемики стал для А. Б. Дермана вопрос о Н. К. Михайловском: «...о том, что было стремление со стороны Михайловского заушать Чехова и даже перетянуть его в народническо-либеральный лагерь, повторяется много раз, с некоторой назойливостью, что ли, и В<ладимир> В<ладимирович> предполагает, видимо, что он этим раскрывает сущность вопроса. На самом деле в этом вопросе он попал в колею порочной традиции, которая идет не от социалистической классической литературы, не говоря уже о коммунистической, а которая идет от буржуазной литературы. Это та колея, которую очень сознательно и старательно в свое время прокладывал Суворин, Розанов, в известной степени Измайлов» (л. 3–4).

² ОР РГБ. Ф. 356. К. 11. Ед. хр. 20. Л. 1. Далее ссылки на данный источник в тексте раздела с указанием в скобках номера листа.

А. Б. Дерман в качестве примера более конструктивного подхода к проблеме приводит статью Д. И. Заславского «Чехов и Михайловский», считая, что тема давно исчерпана этим материалом. Статья была опубликована в 1934 г. Д. И. Заславский полемизировал именно с теми клише, которые в своем выступлении отметил А. Б. Дерман. Полемика выстраивается на трактовке двух писем Н. К. Михайловского к А. П. Чехову, написанных в 1888 г. Представив подробные выдержки из этих писем, Д. И. Заславский задается риторическими вопросами: «Можно ли судить Михайловского за тревогу, которую он испытывал, видя, что новый огромный свежий талант блуждает в дремучем лесу?» [Заславский, 1934, с. 3]. В выводах, на игнорирование либо незнание которых В. В. Ермиловым обратил внимание в своем выступлении А. Б. Дерман, Д. И. Заславский подчеркивал, что «по ... вопросу о необходимости для Чехова стать ближе к политической действительности, разобраться в ней, разорвать с суворинским лагерем и его литературной школой, примкнуть к передовым кругам русской общественности в интересах художественной его работы вся правда была, конечно, на стороне Михайловского», между тем как «либеральные укоры Михайловскому сложились в прочную буржуазную традицию, и очень странно, что традиция эта дожила до наших дней и без всякого критического пересмотра вошла в нашу советскую критику» [там же]. Отсылка к материалу Д. И. Заславского, помимо упрека в недостаточно внимательной источниковедческой работе, дискредитировала критику В. В. Ермиловым Н. К. Михайловского и в «политическом» аспекте (что могло, наряду с апеллированием к ленинским статьям о Л. Н. Толстом, быть частью осмысленной полемической тактики А. Б. Дермана), поскольку отдельные выпады В. В. Ермилова в адрес Н. К. Михайловского вполне подходили под определение «либеральных укоров»: «Михайловский считал его [А. П. Чехова] безыдейным писателем, не знающим, куда и зачем он бредет по литературной дороге» [Ермилов, 1946, с. 90].

В начале выступления А. Б. Дерман сформулировал главный, на его взгляд, принцип создания биографии: «Когда мы пишем о большом писателе и о большом человеке, то не нужно ничего бояться» (л. 2). Конкретизируя эту мысль, А. Б. Дерман далее обращается к чеховскому «преодолению раба», движению «от ничтожества до величия»: «Для меня нет ни одного штриха в жизни и творчестве Чехова, о котором мне хотелось бы умолчать, потому что эти замалчивания уменьшают его подвиг и снижают значение его трагедии, и мне кажется, что единственно правильным путем изображения величия Чехова, величия заразительного, является освещение его во всей правдивости. Чехову нечего бояться, а книга Ермилова заключает в себе страх» (л. 7). После чего последовали примеры продиктованных упомянутым страхом тенденциозных интерпретаций чеховских произведений. В «Неосторожности» «Владимир» <Владимирович> ухитрился... вычитать грусть за маленького человека. Да ни в какой телескоп вы этого не обнаружите! И желания у Чехова такого не было. Это просто невозможно» (л. 8). В «Попрыгунье», где А. П. Чехов якобы карает героиню за то, что

она разрушила семью, писатель «вдруг... превращается в охранителя семейных “устоев”»: «Я не могу это иначе назвать как пошлостью. Это такая натяжка, такая искусственность, которой автор не мог не почувствовать» (л. 8).

Претензии справедливы касательно «Неосторожности», в которой, по В.В.Ермилову, стандартные мотивы «осколочной» юмористики («подвыпившие люди», «сварливые хозяйки») были преображены «светом поэзии, грустью над трагикомедией жизни “маленького человека”, улыбкой скорби о человеческом одиночестве» [Ермилов, 1946, с. 76]. При этом интерпретация «Попрыгуньи» не выглядит такой прямолинейной, как это передает А.Б.Дерман. В рассказе В.В.Ермилов усматривает одно из проявлений главной черты чеховской эстетики: «уменьше найти *красоту обыкновенного*, ту “незаметную”, будничную красоту, мимо которой прошла, не поняв ее, “попрыгунья» [Там же, с. 257].

Далее выступление переросло в дискуссию на повышенных тонах: «*Тов. Дерман*. ...Вы говорите, что “маленького человека” открыл Чехов. Вы игнорируете этим Пушкина, его “Станционный смотрителя”, Гоголя с его “Шинелью”, Достоевского “Бедных людей”, Гаршина...

Тов. Ермилов. Я писал об этом. Вы невнимательно читали книгу.

Тов. Дерман. Разрешите перечитать: “Герои дочеховской литературы высоко возвышались над своей средой и не могли являться *массовыми персонажами*, отличающимися *непосредственной типичностью*”. Станционный смотритель, Акакий Акакиевич – подходят к вашему определению или не подходят? И Вы отнимаете это у русской литературы и отдаете Чехову, хотя он в этом нимало не нуждается. Вы не сказали ни слова о таком явлении, как антисемитизм у Чехова, о его отношении к женскому образованию и студенческим беспорядкам. Вы об этом умолчали, не зная Вы не могли. Следовало тут молчать или нет? Я думаю, что не следовало. Вам легко было показать, как он это преодолевал, как перерос и как воздвигся до своего величия, поднявшись из ничтожества. Вы этого не сделали и испортили свою книгу.

Тов. Ермилов. Какой антисемитизм можно было показать у Чехова?

Тов. Дерман. Я могу доказать. Вы напрасно смеетесь, это очень серьезно.<...> У Вас все это опущено, Чехов подан не в диалектическом развитии, а “готовенький”, как десерт, а “выдавливания раба”, т.е. Чехова в процессе его могучего роста Вы ни одной каплей не осмелились показать. И Вы этим нанесли большой ущерб своей книге, которая могла бы быть блестящей...» (л. 10–11). Обращаем внимание на любопытный эпизод полемики: возражая мысли А.Б.Дермана о преодолении А.П.Чеховым антисемитизма, В. В. Ермилов сперва отрицает саму правомерность постановки такого вопроса, однако, после «угрозы» А.Б.Дермана предъявить доказательства, утверждает, что реакция А.П.Чехова на дело Дрейфуса сильнее преодоления антисемитизма, т.е. фактически соглашается с наличием определенных юдофобских тенденций на ранней стадии развития чеховского мировоззрения и мировосприятия.

Доклад А.Б.Дермана можно разделить на две части. Первая – комплиментарное вступление, замечания общеметодологического характера и сдержанная критика принципов отбора и репрезентации фактов биографии А.П.Чехова. Вторая часть – замечания частного характера (начиная с критики трактовки В.В.Ермиловым рассказов «Неосторожность» и «Попрыгунья»), переходящие в пререкания с В.В.Ермиловым. Эмоциональный фон диспута также меняется. Концовка представляет собой попытку вернуть обсуждение в доброжелательное русло: А.Б.Дерман, видимо, намеренно хотел смягчить эффект от выступления, усугублявшийся вероятным контрастом с общим тоном обсуждения. Впрочем, и в этот общий тон вплетались критические ноты, пусть и не переросшие в полноценную обличительную партию, о чем можно получить представление, сравнив стенограмму доклада А.Б.Дермана с записью выступления В.Б.Шкловского.

В.Б.Шкловский разделял основную концепцию книги В.В.Ермилова: «... гениальный писатель рождается противоречиями своего времени, которые будут разрешены потом. Он является освобожденным от настоящего, он является современником будущего, и поэтому очень часто старались загнать Чехова в кадеты, которые только об этом и мечтали, чтобы к ним был еще загнан Лев Толстой. Великие писатели имели коммунистическое острие, они были современниками будущего»³.

Однако наряду с глобальными и локальными удачами монографии В.Б.Шкловский критиковал отдельные ее недочеты, усматривая таковые, например, в недостаточной обрисовке предшествовавшего чеховскому творчеству литературного контекста: «разночинской, или плебейской, литературы, которая никем не описана и почти никем не прочитана, – вот этого в работе Ермилова нет. <...> Дочеховская русская проза – она должна быть», а также в характеристике общественных и культурных аспектов предреволюционного периода. В монографии В.В.Ермилов 1880-е гг. описывал в преимущественно мрачных тонах. В.Б.Шкловский, перечисляя имена Н.М.Пржевальского и Д.И.Менделеева, возражал: «Великая эпоха, когда гениев набито, как в трамвае, непонятно, как они поворачиваются»⁴.

Кроме того, в книге, по мнению В.Б.Шкловского, «нужно больше Ленина, больше социологии, размаха. Без этого гения не получится», что сопрягалось с вопросами общетеоретического порядка: «Мы принуждены не только писать книгу, но еще создавать методологию новой литературы во всех книгах, которые пишем»⁵.

После выступления А.Б.Дермана заслуживает внимания реакция В.Б.Шкловского на общий подход автора «Творческого портрета Чехова» к психологии и творчеству писателя. Концептуальные аспекты борьбы А.Б.Дермана

³ РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 13. Автор выражает благодарность В.В.Шкловской-Корди и Н.Е.Шкловскому-Корди за предоставленную возможность ознакомиться с данным документом.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 16.

с умолчанием компрометирующих А.П.Чехова фактов биографии и черт характера спровоцировали острый полемический выпад В.Б.Шкловского: «...Дерман говорит, что Чехов неправ, когда осуждает людей, которые чуть-чуть приподымают знамя. Да будь они прокляты, те, которые чуть-чуть его приподнимают! Не поднимайте, черти, чуть-чуть. Или будет революция, или пусть он сдохнет. Чехов был против таких людей, и он был прав»⁶. Так, в общих чертах, выглядел отпор, который, судя по сообщению «Литературной газеты», доклад А.Б.Дермана получил на обсуждении.

Заметку «Литературной газеты» о заседании А.Б.Дерман воспринял как оскорбление, о чем заявил в черновике письма в редакцию «Молодая гвардия» (нам не удалось установить, было ли письмо туда отправлено). Наибольшие нарекания исследователя вызвала характеристика его выступления как «искажающего и очерняющего» чеховский облик: «Трудно представить себе что-либо более оскорбительное для писателя, чем эти две лаконические строчки, перечеркивающие мой тридцатипятилетний труд по исследованию творчества Чехова! <...> ... в очернении Чехова меня никто и никогда не упрекал. <...>

Следуя классическому образцу, данному нам в статьях Ленина о Льве Толстом, я всегда боролся с тенденцией – подменять мужественный, трагический, исполненный противоречий и подлинно великий образ Чехова – иконописным ликом. Это я делал и на совещании о книге В.Ермилова, отголоски чего, кстати сказать, проскользнули и в заметку «Литературной газеты», но уже без упоминания моего имени: «Автору книги было указано на то, что он несколько идеализировал Чехова, недостаточно обрисовав среду и социальные условия» и т.д.

Именно на это я и указывал – по-видимому, в недостаточно мягкой форме. И эти-то указания, на высоко-панегирическом фоне совещания, кому-то показались очернением Чехова» (л. 12–12 об.). Отдавая дань проблемности и полемичности выступления А.Б.Дермана, нельзя не отметить, что и доклад В.Б.Шкловского внес в совещание непанегирические черты и указал на недостаточную обрисовку социальных условий, в которых проходило формирование А.П.Чехова, и среды, которая окружала писателя на разных этапах его жизненного и творческого пути, однако «Литературная газета» по каким-то причинам предпочла акцентировать внимание исключительно на критической составляющей выступления А.Б.Дермана.

Важно подчеркнуть, что в споре А.Б.Дерман и В.В.Ермилов, при всем несходстве взглядов на общие и частные аспекты чеховской поэтики и биографии, находились по одну сторону идеологических и литературоведческих баррикад. А.Б.Дерман на момент обсуждения был автором двух важных для советского чеховедения работ: «Творческого портрета Чехова» (1929 г.) и «критико-биографического очерка» «Антон Павлович Чехов (1939 г.), которые свидетельствуют о концептуальной эволюции А.Б.Дермана: от психологического и биографического методов «Творческого портрета Чехова» исследователь пришел

⁶ Там же. Л. 16.

к в целом марксистским тезисам «Критико-биографического очерка». Если в 1929 г. А.Б.Дерман выводил всю специфику чеховского творчества из индивидуальных особенностей натуры А.П.Чехова («холод души» и, как следствие, выверенная система художественных приемов, «рационализированный» лиризм и т.п. [см. Дерман, 1929]), то в 1939 г. под своеобразие чеховского творческого развития А.Б.Дерман подводил социологическую базу, объясняя идейную эволюцию писателя менявшимися общественно-политическими факторами, в частности, влиянием дела Дрейфуса на разрыв отношений с А.С.Сувориным и либерализацию мировоззрения [см. Дерман, 1939]. Применительно к В.В.Ермилову-чеховеду рассуждать о подобной эволюции взглядов нет оснований: он начинал как литературовед-марксист и все уточнения или изменения тех или иных формулировок в его работах связаны в основном с корректировками «официальной» литературоведческой повестки: достаточно сравнить радикализацию политических взглядов А.П.Чехова в первом издании биографии с последующими дополняемыми и исправляемыми ее редакциями или интерпретации отдельных произведений в биографии 1946 г. с их более ранними трактовками. Например, в статье 1944 г. В.В.Ермилов писал о Пете Трофимове как о «пустоцвете», воплощающем противоречие между «силой мечты и слабостью мечтающих» [Ермилов, 1944, с. 213] однако в монографии 1946 г. трактовка образа заметно сглаживается: «Сам Петя Трофимов вряд ли принадлежит к числу передовых, умелых, сильных борцов за грядущее счастье. <...> “Вечный студент”, “облезлый барин”, Петя Трофимов чист, мил, но чудаковат и недостаточно серьезен для великой борьбы. В нем есть черты “недотепства”, свойственные почти всем персонажам этой пьесы. Но все то, что он говорит Ане, дорого и близко Чехову» [Ермилов, 1946, с. 406]. Субъективность критики А.Б.Дермана на обсуждении 1946 г. некоторых положений из монографии В.В.Ермилова проистекала не из принципиального несогласия с узловыми идеями концепции, а с прямолинейностью изложения и подбора иллюстративного материала. А.Б.Дерман выступал не против марксистски выверенного А.П.Чехова, а против А.П.Чехова в его «ермиловском» изводе. Если подходить к идеологической сущности работ исследователей с наиболее общих позиций, можно увидеть сходство в «цветах» и разницу в «оттенках». Это, касается, например, элементов революционности в чеховском мировосприятии и творчестве. Революционны оба «А.П.Чехова», и дермановский, и ермиловский, но если в работе первого эта революционность проявляется во влиянии писателя на умы современников [Дерман, 1939, с. 194], то в работе В.В.Ермилова А.П.Чехов протестует более активно и осознанно. Так, в рассказе «Крыжовник», по В.В.Ермилову, «Чехов вплотную подходит к идее революции: таков смысл слов о том, что “можно перескочить через ров”» [Ермилов, 1946, с. 277], а интерпретация «Трех сестер» и «Вишневого сада» завершается следующим умозаключением: «Только мечтать – это значит *не существовать* на свете. С такими чувствами встречал Чехов “здоровую, сильную бурю”, очистительную грозу, несшую с собою счастье родины» [Ермилов, 1946, с. 401].

Итак, несмотря на бескомпромиссность спора и несходство в подходах к творчеству и мировоззрению А. П. Чехова, оппоненты решали одинаковую задачу выработки марксистской научно-исследовательской методологии, что подчеркнул и В. В. Шкловский своей репликой о необходимости создавать «методологию новой литературы» в каждой написанной книге.

А. Б. Дерман против В. В. Ермилова в 1948 г.

Второй раунд противостояния А. Б. Дермана и В. В. Ермилова пришелся на осень 1948 г., когда на заседании комиссии по теории литературы и критики Союза писателей СССР состоялось обсуждение книги В. В. Ермилова «Драматургия Чехова».

Обсуждение не носило восторженного характера. Основной докладчик Е. Г. Холодов, отметив характерную для книги «активную заинтересованность, возвышенную убежденность и желание убедить своих читателей», остановившись на том, что В. В. Ермилову удалось в целом избежать свойственной монографии 1946 г. «модернизации и большевизации» А. П. Чехова⁷, большую часть своего выступления все-таки посвятил критическим замечаниям: крайностям в толковании символичности чеховских пьес, трактовке образа Нины Заречной как «победительницы», «ведьмовным» интерпретациям образов Тузенбаха и Вершинина (л. 8, л. 12, л. 15).

С мнением о преувеличении В. В. Ермиловым символического плана в пьесах А. П. Чехова солидаризировался А. М. Борщаговский, нашедший к тому же необоснованным утверждение В. В. Ермилова, что А. П. Чехов-новатор начинается с «Чайки». В. В. Ермилов в монографии анализировал только четыре пьесы («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»), и выбор этот обосновывал тем, что все, написанное до «Чайки» «было, конечно, интересно, талантливо, но еще не выходило за пределы установившихся традиций и канонов»: «Наиболее значительное из драматических произведений Чехова до “Чайки” – пьеса “Иванов” – выполнено в привычных театральных формах и еще не принадлежит к *большой* чеховской драматургии» [Ермилов, 1948, с. 3]. А. М. Борщаговскому эта классификация представлялась некорректной: «Я понимаю различие между “Чайкой” и “Ивановым” в смысле качественном, в смысле последовательности и углубления основных принципов чеховского театра, а относить “Иванова” к разряду драматургии, которая идет проторенным путем, в котором нет новаторского начала – это неверно. Это несправедливость, которую пора исправить, и сам “Иванов” дает достаточно основания увидеть в нем много для чеховской драматургии зрелого, классического, самого зрелого периода» (л. 23).

Несколько критических замечаний высказала Л. М. Мышковская, инкриминируя В. В. Ермилову исследовательский произвол и опираясь в полемике на собственный опыт – опыт современника и очевидца первых постановок чеховских пьес в Художественном театре, чья трактовка драматургии А. П. Чехова позиционировалась Л. М. Мышковской как эталонная: «Вы должны рассматривать писателя, дра-

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 24. Ед. хр. 75. Л. 3. Л. 5. Ссылки на данный документ далее в тексте раздела с указанием листа.

матурга в его современности, в его эпохе. Чехов был писателем определенного времени – 80–90-х годов... Это было созвучно эпохе. Почему мы так воспринимали? Потому что это было по самодержавию – посмотрите, как трагична жизнь, прекрасные люди, эти люди могли что-то создавать, а они погибают, погибает Астров, Чайка. А Вы говорите, что ничего похожего, что они торжествуют, что это победа. Вы думаете, что это случайно Станиславский придумал? Он угадал душу Чехова, он правильно угадал, и никакой комедии не было, а была трагедия. В этом было значение Художественного театра и постановок того времени, чтобы били по существу. А Вы даете свое толкование, ничего общего с историей не имеющее» (л. 39 об.).

Однако с наиболее жесткой критикой и здесь выступил А.Б.Дерман. Следуя апробированной на обсуждении 1946 г. структуре доклада – сперва упомянуть о достоинствах, далее – о недостатках – А.Б.Дерман отметил «очень сжатые, но очень выразительные формулировки тем чеховских пьес»: «Чайка» – пьеса об искусстве, «Дядя Ваня» – тема маленького человека, чья жизнь принесена в жертву чужому, недостойному счастью и т.д. (л. 31). Однако «эта драгоценная вещь в значительной степени испорчена автором книги тем, что он методологически совершенно недопустимо навязывает Чехову свои собственные мысли и делает из Чехова орудие для пропаганды своих этических и эстетических принципов» (там же). Этот методологический промах, в свою очередь, связан с тем, что В.В.Ермилов, по мнению А.Б.Дермана, не учел «самой существенной особенности» творчества А.П.Чехова: «Чехов очень редко решал те или иные вопросы, а только их ставил. У него было то, что старые наши словесники называли “пуркуа”. (Ермилов: «Почемучка?»). А по-вашему, он был только “потомучкой”. <...> Конечно, нет никакого спора о том, что у Чехова были свои непреложные аксиомы, что этим аксиомам он был верен с молодых ногтей до смерти, но это были только аксиомы, как только дело доходило до теорем, скажем, в искусстве, что такое искусство, то в такой формулировке, которая дана здесь, почти все принадлежит автору, а не Чехову» (л. 32). А.Б.Дерман имел в виду следующую формулировку В.В.Ермилова: «В искусстве побеждает только тот, кто способен на подвиг: подвиг воли, терпения, веры в победу, подвиг труда, смелого изучения правды жизни, непрестанного обогащения и раскрытия души художника» [Ермилов, 1948, с. 4]. Вывод А.Б.Дермана: «Обо всем этом в “Чайке” нет, но это должно было быть по концепции автора книги, и потому он превратил Нину Заречную в носительницу чеховских воззрений в области искусства, а для того, чтобы это сделать, он вынужден был превратить Нину-Чайку в Чайку-бодрячку, не трагическую Чайку, а эпическую Чайку» (л. 32 об.). Никаких следов моральной победы Заречной в контртрактровке А.Б.Дермана не остается, в пользу чего приводится и лишенный возвышенности основной стимул, толкающий Нину к артистической карьере (желание славы), и горячий финальный монолог, далеко не похожий на монолог победителя, и конкретные детали якобы успешной сценической карьеры Заречной, свидетельствующие о ее фактическом неуспехе (отзывы Треплева, видевшего Нину на сцене, и выступления в Ельце перед пьяными купцами из рассказа самой Заречной).

Обращает на себя внимание, что если на обсуждении «Чехова» в редакции «Молодой гвардии» А. Б. Дерман основной недостаток проделанной В. В. Ермиловым работы усматривал в неполноте освещения чеховских политических и этических взглядов, то касательно «Драматургии Чехова» А. Б. Дерман ведет речь уже о полномасштабно деформирующей объект исследования предварительной концепции.

Концепция, безусловно, была, и В. В. Ермилов четко сформулировал ее в переписке с А. А. Фадеевым. 4 декабря 1936 г. В. В. Ермилов, сообщая А. А. Фадееву о выпуске своей книги «Мечты Горького», писал: «Вот вышла моя книжка. Я утверждаю, с полным сознанием ответственности за нахальные слова, что она может не нравиться только человеку *без органического чувства народности*, человеку с *куцей и бездарной эмоциональной сферой*. Среди этих людей могут быть отличнейшие, благороднейшие, умнейшие работники, способные, быть может, на чудеса героизма – но этих людей нельзя подпускать к искусству! И, главное, *им ничего не объяснишь*, им просто невозможно *доказать*. <...> Я знаю, что я сделал полезное дело и дальше так буду делать, и с классиками, и с кое-какими современниками...»⁸. Что именно подразумевалось под «и дальше так буду делать» объясняет письмо, написанное в следующем году. В письме В. В. Ермилов сетовал на критику, которой он подвергся как редактор «Красной нови» (в частности, за публикацию романа З. С. Давыдова «Дикий камень»): «Вот – думал, что книжка о Горьком будет полезна для партии, дойдет до широкого читателя, думал работать дальше, расширить эту книжку к предстоящей горьковской годовщине, потом перейти к Достоевскому, – а затем работать все в том же плане, над темой о том, как вся русская классическая литература работает на нас, на коммунизм, против капитализма, против фашизма, хотел перестроить мостки к нашей литературе... <...>

И все-таки я, по-видимому, *буду* работать в том плане, в каком я наметил, – потому что я знаю, что он *полезен, нужен* широкому читателю»⁹. Два опорных замечания раскрывают ключевые аспекты литературно-критической деятельности В. В. Ермилова и специфику его интерпретаций чеховской этики и эстетики: тезис о «работе» классиков «на коммунизм» и ориентация на массового читателя.

К слову, ермиловский конфидент, прочтя его книгу «Чехов», наряду с комплиментами в адрес талантливости изложения, воспитательном значении, справедливости «большинства оценок» и выводов, отметил в записной книжке как недостаток «апологетичность» работы: «Автор недодумал или не решился сказать в полный голос, в чем Чехов был ограничен. Я имею в виду ограниченность в понимании русской действительности своего времени, ограниченность *политическую* в глубоком смысле этого слова» [Фадеев, 1971, с. 353]. В критической части короткой заметки претензии А. А. Фадеева вполне соотносимы с претензиями А. Б. Дермана.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1628. Оп. 2. Ед. хр. 713. Л. 40-41. Автор выражает благодарность М. А. Фадееву за предоставленную возможность ознакомиться с данным документом.

⁹ Там же. Л. 52. Л. 55.

Закончил свое выступление А.Б.Дерман эмоциональным обращением непосредственно к В.В.Ермилову: «Владимир Владимирович, Вы любите на меня гневаться за то, что я Вас критикую. В моих словах, может быть, есть больше доброжелательства, чем в похвалах других. <...> Вы не замечаете, в какую опасность попадаете в желании возвысить Чехова... <...>

Наше литературоведение, оно стремится, и чем дальше, тем сильнее, занять позицию научную, сделать литературоведение научным, а Вы тянете его к некоторому порханию, легкости мысли. <...> Я думаю, что этим Вы действительно наносите некоторый ущерб, и это тем более досадно и опасно, что Вы талантливы и поэтому у Вас это очень соблазнительно, а Вы могли бы гораздо лучше написать эту книгу при тех замечательных обобщениях, которые заключаются в формах его тематики. Как образец того, до чего Вас доводит это стремление, я только укажу, что у Вас Епиходов является олицетворением русского интеллигента гамлетовского типа» (л. 37–38 об.).

Последний пример А.Б.Дермана однозначно неточен. В «Драматургии Чехова» сказано, что образ Епиходова «представляет собою карикатуру на довольно большую часть интеллигенции чеховской эпохи, с ее гамлетизмом, “рефлексией”, страстью к философским рассуждениям и мелочностью “несчастий”, с ее полуобразованностью, – словом, со всем тем “недотепством”, кисляйством, которое было так ненавистно Чехову» [Ермилов, 1948, с. 247], и странно, что В.В.Ермилов не упомянул «русского интеллигента гамлетовского типа» в своей ответной речи. Как же возражал В.В.Ермилов?

Если говорить об аргументационной базе, то она не может быть названа убедительной. Например, отстаивая мажорную трактовку творческого пути Нины Заречной, В. В. Ермилов ссылаясь на В.Ф.Комиссаржевскую, аналогично, по его мнению, толковавшую «Чайку» в своих письмах, и на общие творческие установки А.П.Чехова: «Поэзия Чехова – это поэзия реальной жизни. Нина говорит – грубая жизнь с купцами, ухаживаниями, но это все-таки победа» (л. 43). А в качестве доказательства того, что А.П.Чехов не был «почемучкой», В. В. Ермилов привел «Дом с мезонином», но также без конкретики: «... это был рассказ, поставивший огромный социальный вопрос. Тут была полемика с либерализмом, с лидиной больничной кассой. Тут ответ на огромный вопрос, но есть вопросы, которые он не может решить. Он всегда решает этически и эстетически» (л. 44).

Кроме того, попытки конкретных возражений перемежались с критикой общего порядка. Так, Л. М. Мышковскую В.В.Ермилов упрекнул в эмоциональности, лиризме и бездоказательности, а с А.Б.Дерманом состоялся характерный диалог: «Напрасно Дерман говорит, что Чехов людей не любил, что он неполноценный внутренне человек. Это Ваша концепция, что Чехов не умеет ни ненавидеть, ни любить – это неверный, искаженный Чехов. Мы смотрим до такой степени различно, что не можем найти общий язык.

Т<оварищ>Дерман: Вы начинаете критиковать мою книгу, это прием, который нетрудно разгадать» (там же). Очевидно, что «Творческий портрет Чехова», на основную концепцию которого ссылался В.В.Ермилов, воспринимался в конце 1940-х гг. как своего рода научная «компрометация» А.Б.Дермана, о чем В.В.Ермилов напоминал и оппоненту, и слушателям.

Подытожил свое выступление В.В.Ермилов программным заявлением, которое, наряду с процитированными отрывками из писем к А.А.Фадееву, способно многое объяснить в его работах: «...мое убеждение такое, что Художественный театр... ключа или ключика, когда мы говорим о “Трех сестрах”, в сегодняшнем спектакле чеховском не находит. И “Вишневый сад” смотреть невозможно, это зрелище антиэстетическое. Чехов здесь выглядит человеком, жалеющим ничтожных людей, что совершенно противоположно Чехову, и с этой точки зрения, как бы ни были нам дороги милые тени, но жизнь есть жизнь, она идет, эпоха читает Чехова глазами рядовых людей, и каждый рядовой зритель читает Чехова по-новому, и я являюсь одним из рядовых зрителей, который пытается читать Чехова глазами нашей эпохи, не только не отрывая его от исторической конкретности его времени, а именно связывая его с исторической конкретностью, но понимая его гораздо глубже и правильнее, чем та эпоха понимала, именно потому, что мы это читаем глазами нашей эпохи» (л. 47). Любопытно, что, инкриминируя Л.М.Мышковской «эмоциональность» в оценке его книги, В.В.Ермилов основой своей исследовательской методологии провозгласил читательский взгляд, т.е. в основе своей во многом эмоциональный подход. Можно заметить, что если в тезисах из писем к А.А.Фадееву массовый читатель предстает как целевая аудитория, то в заключительном слове на обсуждении В.В.Ермилов доводит установку до возможного предела, идентифицируя себя как «рядового» читателя, восприятие которого, в свою очередь, трактуется как доминантное, как «восприятие эпохи». Симптоматична также своеобразная невосприимчивость В.В.Ермилова к большинству критических замечаний (не касавшихся, впрочем, несовпадений анализа политической и идейной специфики 1880-х гг. с ленинскими суждениями о данном периоде). На дискуссиях 1946 и 1948 гг. А.Б.Дерман, например, высказывал во многом очень сходные претензии (процитированный выше пассаж из выступления А.Б.Дермана 1948 г. о пересмотре В.В.Ермиловым крайностей своей позиции носит отчасти ритуальный характер), однако заметного влияния на основные положения обсуждаемых текстов при их последующих переизданиях эти претензии не оказали.

В завершение дискуссии Е.Г.Холодов, возражая Л.М.Мышковской, отвел от В.В.Ермилова упреки в антиисторизме: «Нам дорог Чехов как великий писатель, который оказался выше своего времени, который может быть дорог не только своим современникам, и об этом написал Ермилов» (л. 49). А Ю.С.Калашников заявил, что В.В.Ермилов «прежде всего, стремится погрузить в историческую атмосферу, показать Чехова в атмосфере эстетической борьбы, которая была в то время, и то обстоятельство, что здесь попытка показать Чехова в аспекте нашего времени, мне кажется очень важным» (л. 51).

Судя по репликам, подводившим итог всему обсуждению, дискуссия выявила готовность части литературоведческой и театроведческой общественности поступиться некоторой долей научной адекватности в пользу «современности» прочтений, даже несмотря на многочисленные претензии к отдельным результатам такого рода прочтений (трактовок тех или иных художественных образов, идейных интенций и т.п.). Подспудно, и, вероятно, не для всех участников заседания осознанно, решался вопрос, где должна пройти демаркационная линия между научно дозволенным и недозволенным в литературоведении: это понял и артикулировал А.Б.Дерман в заключительном обращении к В.В.Ермилову. На длительном хронологическом отрезке линия постепенно смещалась, оставив чеховедческие работы В.В.Ермилова за границей полноценной научности, на территории «красных гимнов» и «красных плакатов», о которых писали в свое время А.И.Роскин [Роскин, 1935, с. 53] и Ю.В.Соболев [Соболев, 1930, с. 16], любопытных для специалистов почти исключительно в историко-литературном плане. Однако в ближайшей перспективе казалось, что путь к аутентичной трактовке чеховского творчества найден именно В.В.Ермиловым – и это предопределило многие дальнейшие пути «официального» советского чеховедения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В издательстве «Молодая гвардия» // Литературная газета. – 1946. – 26 октября (№ 44). – С. 4.

Дерман, А. Б. Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк / А.Б.Дерман. – Москва: ГИХЛ, 1939. – 212 с.

Дерман, А. Б. Творческий портрет Чехова / А.Б.Дерман. – Москва: Мир, 1929. – 352 с.

Ермилов, В. В. Драматургия Чехова / В.В.Ермилов. – Москва: Советский писатель, 1948. – 272 с.

Ермилов, В. В. А.П.Чехов. Творческий портрет / В.В.Ермилов // Новый мир. – 1944. – № 4–5. – С. 195–217.

Ермилов, В. В. Чехов / В.В.Ермилов. – Москва: Молодая гвардия, 1946. – 448 с.

Заславский, Д. И. Чехов и Михайловский / Д.И.Заславский // Литературная газета. – 1934. – 10 сентября (№ 121). – С. 3.

О.Л.Книппер – М.П.Чехова. Переписка. Том 2: 1928–1956 / З.П.Удальцова (сост.). – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 696 с.

Роскин, А. И. Проблемы творческой биографии Чехова / А.И.Роскин // Художественная литература. – 1935. – № 3. – С. 49–53.

Соболев, Ю. В. Чехов / Ю.В.Соболев. – Москва: Федерация, – 1930. – 348 с.

Фадеев, А. А. В.В.Ермилов, «Чехов» / А.А.Фадеев // Фадеев А.А.Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Статьи и речи, рецензии и заметки, записные книжки. – Москва: Художественная литература, 1971. – С. 352–353.

REFERENCES

- Derman, A. B.** Anton Pavlovich Chekhov. Kritiko-biograficheskiy ocherk / A. B. Derman. – Moskva: GIKhL, 1939. – 212 s.
- Derman, A. B.** Tvorcheskiy portret Chekhova / A. B. Derman. – Moskva: Mir, 1929. – 352 s.
- Ermilov, V. V.** A. P. Chekhov. Tvorcheskiy portret / V. V. Ermilov // Novyy mir. – 1944. – № 4–5. – S. 195–217.
- Ermilov, V. V.** Dramaturgiya Chekhova / V. V. Ermilov. – Moskva: Sovetskiy pisatel', 1948. – 272 s.
- Ermilov, V. V.** Chekhov / V. V. Ermilov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1946. – 448 s.
- Fadeev, A. A.** V. Ermilov, «Chekhov» / A. A. Fadeev // Fadeev A. A. Sobranie sochineniy: v 7 tt. T. 6: Stat'i i rechi, retsenzii i zametki, zapisnye knizhki. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1971. – S. 352–353.
- O. L. Knipper – M. P. Chekhova.** Peregovory. Tom 2: 1928–1956 / Z. P. Udal'tsova (sost.). – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 696 s.
- Roskin, A. I.** Problemy tvorcheskoy biografii Chekhova / A. I. Roskin // Khudozhestvennaya literatura. – 1935. – № 3. – S. 49–53.
- Sobolev, Yu. V.** Chekhov / Yu. V. Sobolev. – Moskva: Federatsiya, – 1930. – 348 s.
- V izdatel'stve «Molodaya gvardiya»** // Literaturnaya gazeta. – 1946. – October 26 (№ 44). – S. 4.
- Zaslavskiy, D. I.** Chekhov i Mikhaylovskiy / D. I. Zaslavskiy // Literaturnaya gazeta. – 1934. – September 10 (№ 121). – S. 3.